

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО И УРБАНИСТИКА

Научная статья

УДК/UDC 711.58(470-25):711.62:728.012.27

DOI: 10.24412/1998-4839-2023-2-247-269

Соотношение частных и общественных пространств в современной многоэтажной жилой застройке на примере Юго-восточного округа г. Москвы

Андрей Владимирович Казанов¹, Борис Владимирович Гандельсман²

^{1,2}Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

¹towercitytimelapse@gmail.com, ²bgandelsman@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы соотношения частности и публичности городского пространства в многоэтажной жилой застройке. Определены основные критерии обеспечения баланса между потребностью в частности и доступностью общественных пространств. Рассматривается эволюция соотношения частных и общественных пространств на примере Юго-восточного округа Москвы. Разрабатываются рекомендации для создания гармоничной модели распределения частных и общественных пространств на уровнях от города в целом до микропространств в жилой застройке.

Ключевые слова: соотношение частности и публичности, пространство, психология, морфотипы, каркас и ткань города, многоэтажная застройка

Для цитирования: Казанов А.В. Соотношение частных и общественных пространств в современной многоэтажной жилой застройке на примере Юго-восточного округа г. Москвы / А.В. Казанов, Б.В. Гандельсман // Architecture and Modern Information Technologies. 2023. №2(63). С. 247-269. URL:

https://marhi.ru/AMIT/2023/2kvart23/PDF/16_kazanov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2023-2-247-269

TOWN PLANNING AND URBAN DESIGN

Original article

The ratio of private and public spaces of contemporary high-rise residential blocks at South-Eastern District of Moscow

Andrey V. Kazanov¹, Boris V. Gandelsman²

^{1,2}Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia

²towercitytimelapse@gmail.com¹, bgandelsman@yandex.ru²

Abstract. The article is dedicated to the study of the issue of balancing privacy and publicness in high-rise residential developments. The main criteria for achieving a balance between the need for privacy and the accessibility of public spaces are identified. The evolution of the relationship between private and public spaces is examined using the example of the Southeastern District of Moscow. Recommendations are developed for creating a harmonious model for the distribution of private and public spaces at various levels, ranging from the city to local spaces within residential developments.

Keywords: ratio of private and public, urban space, psychology, morphotypes, City framework and urban fabric

¹ © Казанов А.В., Гандельсман Б.В., 2023

For citation: Kazanov A.V., Gandelsman B.V. The ratio of private and public spaces of contemporary high-rise residential blocks at South-Eastern District of Moscow. Architecture and Modern Information Technologies, 2023, no.2(63), pp. 247-269. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2023/2kvart23/PDF/16_kazanov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2023-2-247-269

Значимость и актуальность вопроса в современной жизни города

В настоящее время соотношение приватности и публичности в городском пространстве многоэтажной жилой застройки становится все более актуальным вопросом, который требует серьезного исследования. Современные горожане ожидают от своего жилья чувства безопасности и определенной степени закрытости от внешнего пространства при обеспечении доступности и связности с различными точками и зонами притяжения, как условие высокого качества городской среды. Это выражается как в обеспечении уединенности, компактности коммуникаций и камерности масштаба помещений внутри зданий, так и в стремлении к организации таких же камерных, уютных и относительно замкнутых микропространств за пределами дома. С другой стороны, различные коммуникационные и рекреационные пространства вокруг жилых построек в соответствии со своим назначением являются общественными и должны быть доступны для всех, что придает им публичный характер.

В процессе исследования принципов реконструкции и обустройства городских территорий, прилегающих к зонам отчуждения железных дорог, внеуличного транспорта и других линейных объектов, нарушающих целостность городской ткани и даже перерезающих элементы городского каркаса [1], приходится решать вопросы изменения соотношения приватности и публичности городских пространств на разных уровнях при создании новых участков территорий с повышенной транзитностью и соответствующим увеличением проницаемости городской среды. В связи с этим необходимо рассмотреть в целом вопрос психологического комфорта жителей сложившихся городских территорий при увеличении степени их публичности.

При этом современные информационные технологии, такие как системы видеонаблюдения и дистанционное управление доступом к личным данным о геолокации, приводят к тому, что граница между приватностью и публичностью становится все более размытой. Это вызывает необходимость переосмысления сложившихся представлений о соотношении приватности и публичности в многоэтажной жилой застройке и разработки новых подходов к обеспечению психологического комфорта личности на уровне жилого и городского пространства. В данном контексте вопрос о том, какие меры должны и могут быть предприняты для обеспечения оптимального соотношения приватности и публичности в современной городской застройке, в т. ч. защиты личных данных жильцов в условиях количественного и качественного роста различных технических средств контроля, как в общедоступных публичных пространствах, так и в относительно «приватных», доступных только ограниченному кругу лиц, становится всё важнее.

Понятия публичности и приватности в психологии и социологии и в теории градостроительства

В психологии *приватность* описывается как сфера жизненных интересов, эмоций, отношений и принятого образа жизни отдельного человека или малой группы, которая не связана с другими общественными сферами. В этой сфере человек представляется автономным, но не изолированным, и в ней развиваются его отношения с близкими людьми, в том числе родственные и дружеские. Также в этой сфере рассматриваются вопросы личной собственности человека, включая материальные и интеллектуальные ресурсы [13]. *Приватность*, как считает Ирвин Альтман, – это выборочный контроль

допуска до себя или группы, который люди применяют относительно окружающей среды, прежде всего социальной [19]. Наиболее известная типология приватности была предложена А. Вестингом (1967), который указывает на значение четырех основных состояний приватности: *одиночество или уединение, близость, анонимность, скрытность или закрытость* [там же].

Понятие «позитивного одиночества (уединения)». Про одиночество в позитивном ключе мы говорим значительно реже, чем в негативном. Во многих языках, в том числе, в русском, используют синонимы и «позитивное» одиночество заменяют на «уединение» или «уединенность», в английском говорят о solitude в противовес loneliness и т.п. В статье «Концепция позитивного одиночества» доктора философских наук Г.И. Колесниковой предлагается целостная концепция одиночества или уединения, заключающаяся в новом, нетрадиционном подходе к одиночеству как позитивному явлению, способствующему раскрытию потенциала личности. Следует различать одиночество как состояние, вызванное объективными или субъективными обстоятельствами, способное вызвать невротизацию или депрессию, и одиночество как выражение индивидуальности, которое включает в себя радостное признание, осознание и принятие своей духовной самостоятельности. Позитивная концепция одиночества заключается в переориентации с его трактовки как негативного феномена на понимание его позитивной сущности – осознания своей индивидуальности и самости, способствующих раскрытию потенциала личности на пути её экзистенциального развития [6]. Такое «позитивное» одиночество в городской среде означает возможность уединиться, заняться своими делами, быть наполненным и самодостаточным. Если человек чувствует себя в одиночестве нормально и комфортно, переживает свою психологическую автономность без грусти, это – позитивное одиночество.

Близость – глубина и продолжительность связи с окружающими; желание и способность сближения; взаимность уважения, отражающаяся на межличностном поведении [17]. Близость свойственна не только индивидуальной и семейной системе, но и жилому окружению, а именно дружелюбному соседству. Близость в городской среде – это проживание или нахождение с людьми близкого социального, психологического и ментального статуса.

Согласно Г.С. Салливану, близость – тип ситуации, включающий двоих и предоставляющий возможности для утверждения личных ценностей на основе сотрудничества, которое порождается взаимно приспособительным поведением, направленным на достижение возрастающего взаимного удовлетворения и чувства безопасности своего положения [7]. Это одно из важнейших оснований и характеристик позитивного полюса отношений типа «симпатия–антипатия». Понятие «близость», в частности, широко используется в работах Э. Эриксона, который рассматривает близость как способность одного человека заботиться о другом, делиться с ним всем существенным без боязни потерять при этом себя [18]. Э. Эриксон пришел к выводу, что именно способность индивида к установлению адекватных ситуации форм близости с партнерами по взаимодействию является одним из главных проявлений качественной личностной идентичности в социальной жизни². Способность к достижению близости в противовес изоляции является сильным качеством личности, приобретаемым в период ранней зрелости.

Анонимность – в психологии в основном используется в стандартном значении: любое состояние, когда личность одного субъекта неизвестна другим [19]. Рассматривается как метод или способ реализации некоторых других общечеловеческих ценностей, таких как конфиденциальность, право на частную жизнь или личная свобода. Анонимность в любом случае повышает уровень приватности в обществе и пространстве.

² Энциклопедический словарь по психологии и педагогике // academic.ru: сайт. URL: https://psychology_pedagogy.academic.ru/2837/%D0%91%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C?ysclid=lgwjvaoc5781153911 (дата обращения: 10.02.2023).

Скрытность или закрытость близки к понятию анонимности и подразумевают выстраивание личностных границ, осторожность и дипломатичность, нежелание делиться своими мыслями, чувствами, эмоциями, а также сдержанность. Пониженный уровень скрытности может являться признаком откровенности, отсутствием сдержанности и самоконтроля³.

Совокупность этих четырех критериев приватности в их позитивном психологическом ключе служит улучшению качества жизни и способствует развитию частных зон в публичном по преимуществу городском пространстве.

Феномен намеренной приватности относится к ситуациям, когда люди вынуждены ограничивать свою публичность и сохранять большую приватность из-за различных обстоятельств – социальных, политических, экономических и личных. Его основная цель – скрыть свои действия и жизненные обстоятельства от посторонних глаз. К личным обстоятельствам или ситуациям относятся травмы, болезни, инвалидность и т.п., когда люди чувствуют себя уязвимыми и вынуждены ограничивать свою публичность, чтобы защитить свое здоровье и личную жизнь. В целом этот феномен вызван намерением сохранить свою интимную сферу, чтобы защитить свою безопасность и личное пространство, в т.ч. свои привычные представления о них.

Когда люди чувствуют избыток публичности, им хочется психологически уединиться не только в принадлежащих только им частных пространствах, но и в общественных и жилых зонах. Это связано с тем, что у нас есть несколько уровней личного пространства и представления о нём, которые, возможно, сформировались очень давно из-за агрессивной среды, в которой люди могли подвергнуться опасности. Из-за этого в публичной среде появляются зоны, где люди могут уединиться, например, ширмы, занавески или персональные предметы в офисе, которые помогают выделиться из безликой массы или толпы. Люди стремятся иметь личное пространство во всех сферах жизни, а не только дома, поэтому важно находить баланс между публичностью и приватностью, создавать «шлюзовые» зоны – переходные между частными и публичными пространствами.

Публичность как понятие, противоположное приватности, описывается через свойства открытости, доступности и коллективного характера процессов и предназначенных для них пространств. Она связана с открытой общественной политикой и другими видами деятельности, которые могут быть доступны для наблюдения и контроля. В этой сфере формируются группы людей с разными взглядами, эмоциями и целями, функционируют политические партии, общественные организации, творческие и другие союзы.

Обе сферы важны для человеческой жизни и взаимодействуют между собой, однако имеют свои особенности и различия [13]. Соотношение приватности и публичности в общественных пространствах может быть оценено в соответствии с определенными критериями. Поскольку данный вопрос изучен не во всех своих аспектах, авторы предлагают оценивать в качестве наиболее важных из них следующие:

1. *Уровень доступности*: если пространство доступно для всех без ограничений, то оно может считаться публичным. Если же доступ к пространству в большей или меньшей степени ограничен или контролируется, то оно может считаться более частным.
2. *Уровень информационного и городского шума*: если пространство находится в зоне шумового загрязнения или имеет много источников шума, это уменьшает ощущение приватности. В более тихом и уединенном месте пространство может ощущаться как более частное.
3. *Наличие стен, перегородок, ограждений*, различного вида укрытий, дверей, ворот и шлагбаумов создает барьеры для общего доступа и визуального контакта с окружением,

³ Энциклопедический словарь по психологии и педагогике // academic.ru: сайт. URL: https://psychology_pedagogy.academic.ru/2837/%D0%91%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C?ysclid=lgwjvaoc5781153911 (дата обращения: 10.02.2023).

формирует локальные пространства и уединенные уголки, обозначающие личные границы, что придаёт им более приватный характер.

4. *Наличие видеонаблюдения*: камеры слежения внешнего пользования могут увеличивать субъективное ощущение публичности и чувства общественно-правовой защищенности, контролируемые внутренние – создавать ощущение приватности и безопасной принадлежности к определенной социальной группе.

5. *Количество пользователей* пространства: более многолюдные и часто посещаемые пространства ощущаются более публичными, чем пространства с меньшим количеством людей, принадлежащих к ограниченному числу групп.

5. *Свобода самовыражения*, реализованная в пространстве, например, возможность высказывать свое личное или коллективное мнение или устраивать различные мероприятия мирного характера, обеспечивает ему или подтверждает его публичный характер. Индивидуальной свободе самовыражения, не демонстрируемой публично, наоборот, свойственна приватность.

А.В. Крашенинников указывает, что при проектировании публичных пространств важно найти территории с высоким градостроительным потенциалом, признаком которого может служить социальная связанность с большим количеством людей [10]: «Общественное пространство может быть представлено как проекция социального пространства на территорию города, место «объективации прошлых и настоящих социальных отношений». «К публичным пространствам относится только наиболее освоенная часть территории общего пользования, обычно имеющая хорошую связанность и присутствующая в «ментальной карте» большинства жителей города» [8].

Отношение приватности и публичности общественных пространств может варьироваться в зависимости от многих факторов, включая контекст, культуру и социально-экономические условия. Поскольку свойства приватности и публичности пространства создают два противоположных вектора в поведении людей, между общедоступными публичными и приватными, интимными и индивидуальными пространствами возникают компенсирующие или буферные зоны, способствующие плавному переходу из личного в общественное. Такие зоны можно назвать полупубличными пространствами – переходными из мира индивидуального в мир общественный и наоборот.

Этот феномен наиболее близок к образу «шлюза», применяемого А.Э. Гутновым при описании городского двора, в котором отмечается, что данные полузамкнутые городские пространства ограниченного пользования формируются определенным домом или группой домов [3]. «Двор, таким образом, становился для горожанина первой ступенькой перехода от «я» к «мы», от собственной квартиры к необъятному пространству города. Нет двора – нет улицы. Цепочка вкладывающихся друг в друга звеньев, постепенно усложняющихся социально-пространственных единиц, «шлюзов», обеспечивающих плавный, естественный выход каждого отдельного человека в безбрежный океан общества: квартира – двор – улица – город – страна. Это цепочка сегодня оказалась разомкнутой. Назрела необходимость восстановить эти звенья» [3].

В интервью 2017 г. для сайта mos.ru заместитель мэра Москвы по вопросам градостроительной политики и строительства Марат Хуснуллин признал необходимость делить территории общего пользования на публичные и приватные участки: «Улица, сквер, площадь – это публичные территории, там можно встретить случайных прохожих. А двор конкретного дома – это приватная территория для жителей этого дома и их соседей. Двор должен отличаться от улицы и своей планировкой, и благоустройством. Эта территория не может быть проходной»⁴. Однако если двор формируется достаточно большой группой нескольких небольших домов, жителями каждого из них, осознающими себя как общность,

⁴ Москву разграничат по новому принципу. Интервью mos.ru заместителя мэра Москвы по вопросам градостроительной политики и строительства / 27.06.2017. URL: https://ogrkc-center.ru/news/moskvu-razgranichat-po-novomu-principu_n182/?ysclid=lgucy60vjy1441365 (дата обращения: 10.02.2023).

двор воспринимается как пусть «своё», но всё же «общее» пространство по отношению к более приватному «микространству» площадок возле каждого отдельного подъезда.

Таким образом, общественные пространства, как публичные, так и переходные, в современной многоэтажной жилой застройке имеют несколько важных функций на уровнях личности и социума:

1. *Повышение уровня безопасности и психологического комфорта.* Хорошо освещенные общественные пространства в окружении застройки, оснащенные камерами видеонаблюдения, уменьшают возможность совершения преступлений и способствуют уверенному и спокойному поведению людей.
2. *Улучшение качества жизни.* Общественные пространства, такие как площади, улицы с развитыми пешеходными коммуникациями, парки, скверы, бульвары и спортивные площадки, повышают качество жизни горожан, предоставляя им места для отдыха, развлечения и занятий спортом.
3. *Создание сильной и эффективно работающей социальной сети:* общественные пространства – ресурс общения, доверия и взаимодействия жителей.
4. *Привлечение инвестиций.* Хорошо оборудованные общественные пространства имеют большой финансовый потенциал, становятся активом, который генерирует доход для города. Рационально и качественно благоустроенные и озеленённые общественные пространства, в том числе парки, скверы, бульвары и сады, могут привлечь новых жителей и повысить стоимость жилой и коммерческой недвижимости в этом районе [11].

Классификация городских пространств А.Э. Гутнова и её соотношение с их свойствами публичности и приватности

В своей работе «Город как объект системного исследования» А.Э. Гутнов разделяет городское пространство на два основных типа: каркас и ткань. Каркас составляют более устойчивые и постоянные элементы – транспортные магистрали, улицы и площади, главные градостроительные ансамбли, мосты и тоннели, железнодорожные вокзалы, аэропорты и другие транспортные узлы, обеспечивающие связь города с другими регионами и городами. Эти пространства и объекты носят преимущественно *публичный* характер, хотя в их состав могут входить более «приватные» элементы.

Понятие «городской ткани» описывает мягкие, гибкие и изменчивые элементы городского пространства – рядовую застройку, пешеходные зоны внутри кварталов, парки, скверы, прочие виды городского озеленения [2]. Городская ткань включает как более динамичные коммуникационные и рекреационные *публичные* и переходные «*полупубличные*» пространства, так и многочисленные соединяемые ими *приватные* пространства и объекты на разных уровнях (рис. 1).

Дополнительно может рассматриваться так называемая «*плазма*» – временные, в т.ч. сезонные объекты и сооружения, локальное озеленение, элементы городского дизайна и т.п. Понятием плазмы описывается пространство, расположенное между зданиями в городской среде, которое может использоваться как общественное, как приватное и как переходное, смягчает и размывает границы и переходы между приватностью и публичностью городской среды и отдельных её элементов. При этом плазма ещё менее стабильна и более динамична, чем «городская ткань» [2]. Она может формироваться в т.ч. путем размещения зданий таким образом, чтобы они образовывали углубления и выступы, создавая мезо- и микространства между ними. Это играет важную роль в создании комфортной городской среды, так как плазма способствует уменьшению плотности застройки и увеличению её «пористости», улучшению циркуляции воздуха и созданию дополнительных мест для взаимодействия и социальной активности.

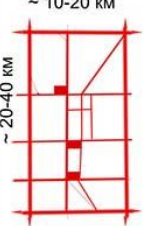

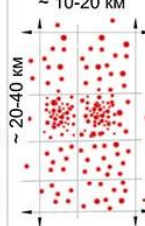
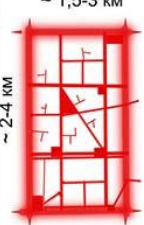
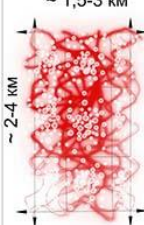
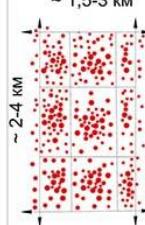

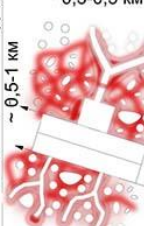
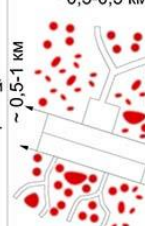
		Тип пространств					
		Публичные пространства "Каркас"		Буферные + переходные пространства		Приватные пространства "Ткань"	
Уровень	Город	Магистрали Площади Скверы Формируют сеть Открыты	~ 10-20 км 	Улицы, бульвары, открытые дворы Формируют сеть низшего уровня Открыты, Частично закрыты	~ 10-20 км 	Дворы Комплексная застройка Не формируют сеть, но подчинены сети Закрыты Доступны не всем	~ 10-20 км
	Район	Части магистральных улиц, бульвары, Площади Скверы Формируют крупномасштабную сеть Открыты	~ 1,5-3 км 	Школы Детские сады Кладбища Прочие пешеходные пространства и пути Формируют собственную сеть Доступны всем, но не все в них нуждаются	~ 1,5-3 км 	Дворы жилых комплексов Группируются в кластеры Изолированы Доступны определённым группам пользователей	~ 1,5-3 км
	Среда, Мезо- и микро-пространства	Перекрестки Пешеходные маршруты Площади перед зданиями Проницаемые Насыщенные инфраструктурой Открыты	~ 0,3-0,5 км 	Сеть пешеходных путей и площадок местного значения Озелененные территории Детские и спортивные площадки Лестничные клетки Могут становиться приватными Открыты	~ 0,3-0,5 км 	Квартиры Палисадники Прочие объекты и локальные пространства в частной собственности и в закреплённом пользовании и управлении Не проходные Изолированы и ограничены.	~ 0,3-0,5 км

Рис. 1. Соотношение приватности и публичности на разных уровнях городского пространства

На рисунке 1 представлены графические схемы, отражающие структуру городских пространств и среды в соответствии с классификацией её элементов на публичные, приватные и переходные на разных уровнях от города в целом до микропространств. За основу низшего уровня рассмотрения взяты мезо- и микропространства согласно классификации А.В. Крашенинникова, где мезопространства – крупные многофункциональные комплексы с системой атриумов и пассажей, городские площади, жилые улицы и переулки, пешеходные ходы, дворы внутри кварталов, а микропространства – места нахождения отдельных людей или малых групп, такие как отдельные полузакрытые помещения или площадки разного назначения [9].

Поскольку двух указанных уровней недостаточно при анализе Юго-восточного округа, соразмерного по площади крупному городу, например Барселоне^{5,6}, его многоэтажную застройку необходимо рассматривать на более высоких уровнях района (макропространства) и города.

⁵ Идескат. (2016). Altitud, superfncieipoblaciy. Municipis. URL: <https://www.idescat.cat/indicadors/?id=aec&n=15903&t=2016> (дата обращения: 13.05.2023).

⁶ Московское управление землеустройства и землепользования. (2011). Программа мероприятий по реализации полномочий Московского управления землеустройства и землепользования на 2011 год: утв. приказом от 06.06.2011 № 452-ПП. Архивированный. URL: <https://web.archive.org/web/20110112110143/http://www.moskomzem.ru/ru/%D0%A1%D0%BA%D0%B0%D1%87%D0%B0%D1%82%D1%8C/150/100601-452-pp.doc> (дата обращения: 13.05.2023).

Соотношение публичности и приватности в городской застройке в различные исторические периоды

Влияние исторических событий на динамику соотношения приватности и публичности

Чтобы наиболее полно проанализировать взаимодействие приватности и публичности в городской среде со всех точек зрения, рассмотрим баланс этого феномена в историческом плане (рис. 2).

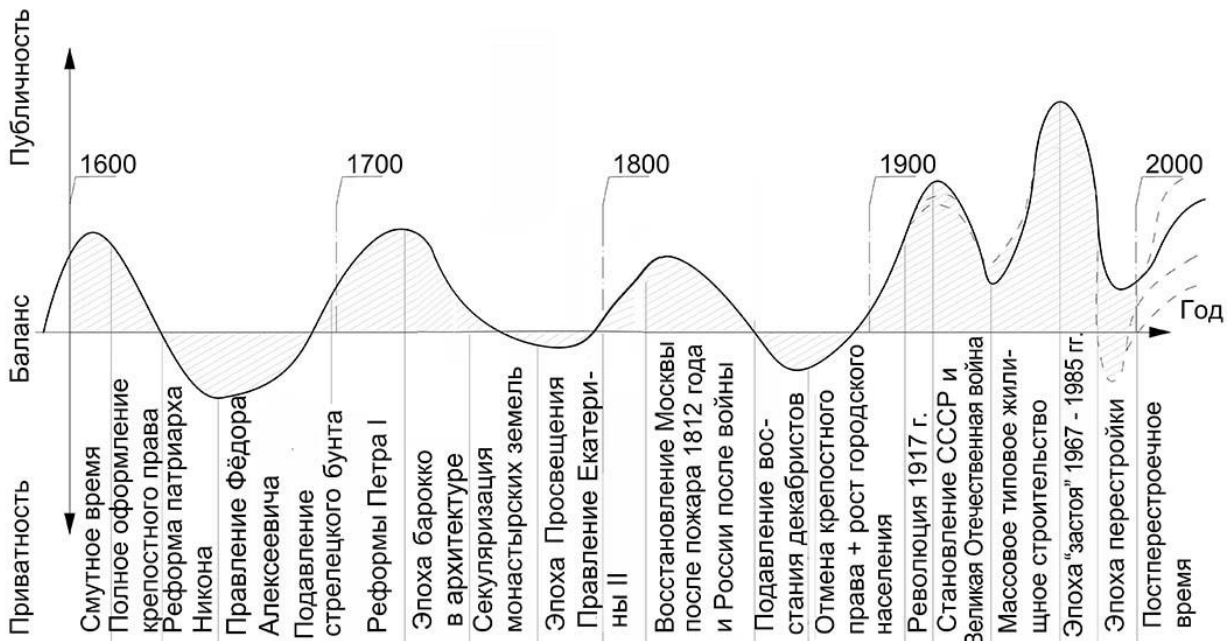

Рис. 2. Эволюция соотношения приватности и публичности в различные исторические периоды

Динамику этого баланса можно представить в виде графика наподобие неправильной формы синусоиды с учащающейся амплитудой, если по горизонтали отложить время, а по вертикали относительно некоей средней позиции – степень преобладания публичности в жизни и в среде как линию, направленную вверх, и степень преобладания приватности – как линию, направленную вниз.

Этот анализ целесообразно проводить с 1-й половины XVII века, с тех пор, когда относительно последовательно стала формироваться планировка и застройка Москвы за пределами Кремля и Китай-города, и вскоре началось градостроительное освоение территории будущего Лефортова, ныне муниципального района, входящего в состав ЮВАО.

Церковная реформа патриарха Никона в 1652 году сделала многие городские территории также более приватными, поскольку и церковь, и население было вынуждено принять новые религиозные правила, а их противники не всегда были готовы публично протестовать, как протопоп Аввакум или боярыня Морозова. В конце царствования Алексея Михайловича и в правление царя Фёдора Алексеевича публичность городской жизни начинает возрастать, а после его смерти ещё более возрастает роль массовых народных движений, однако подавление стрельцкого бунта в 1698 году привело к снижению публичности, страху и росту консервативности у многих москвичей.

Однако в целом реформы Петра I начиная с 1690-х годов привели к увеличению публичности и прозрачности в управлении, к формированию общественных городских пространств нового типа. Именно в это время впервые на территории будущего ЮВАО в Лефортове начали строиться дворцовые и усадебные ансамбли, и появляется рядовая городская застройка, начиная с солдатских слобод.

В середине XVIII века, в эпоху архитектуры Русского барокко, публичность городской жизни относительно снижается в пользу приватности крупных и мелких городских усадеб, парцелляция которых, особенно в пределах Земляного города и Замоскворечья в некоторых местах без особенных изменений переживает пожар 1812 года и доживает до конца XIX века. Отчасти увеличению уровня приватности способствовала и секуляризация монастырских земель в 1764 году, так как часть их переходила к небольшим церковным приходам, иногда и в частные руки, что укрепляло институт частной собственности.

В период эпохи Просвещения (вторая половина XVIII века) и реформ Екатерины II публичность городской жизни заметно возрастает, поскольку люди практически всех сословий начали больше интересоваться образованием и наукой, городские усадьбы приобретают более публичный характер, строятся многочисленные общественные учреждения – больницы, Странноприимный и Воспитательный дом, на месте стен Белого города прокладывается Бульварное кольцо, совершенно изменившее замкнутый образ жизни многих москвичей.

Восстановление Москвы после пожара 1812 года привело к дальнейшему росту публичности городской жизни, связанному как с общим чувством сплочения народа перед лицом опасности, так и с формированием новой системы общественных пространств по плану Комиссии строений 1817 г. как в центре, так и на окраинах, в т.ч. на востоке Москвы. На месте Земляного вала формируется новое общественное пространство Садового кольца, часть пригородных рощ, в том числе Сокольники и Измайлово, начинают превращаться в городские парки.

Однако подавление восстания декабристов в 1825 году привело во всей стране к снижению публичности городской жизни по причине усиления консерватизма и политической реакции. Только отмена крепостного права в 1861 году, реформы Александра II и стремительный рост города в период первой волны индустриализации России в конце XIX века с его ростом массовых производств, связанным с переездом в города множества людей и увеличением численности и плотности населения, снова привели к увеличению публичности в жизни города и связанного с ней разнообразия общественных пространств. Даже частная жизнь в особняках эпохи модерна рубежа веков носила значительно более открытый и публичный характер, чем прежде, что активно выражалось в архитектурной форме этих зданий и в формируемых морфотипах этого периода.

Революция в России в 1917 году также привела к стремительному росту публичности, имевшему как объективный, так и субъективный характер. Индустриализация СССР и последствия Великой Отечественной войны привели к переуплотнению жилого фонда Москвы и превращению его в массивы бараков и коммунальных квартир. Радикальное представление о приватности как пережитке старого режима выразилось в строительстве домов-коммун и домах нового быта. Публичность агрессивно вторгается даже в сферу интимной жизни, но привилегированные слои «социалистического» общества защищаются от неё и создают «островки приватности» в виде элитных домов, отдельных кварталов на окраинах и дачных посёлков. В то же время в 1920-е годы на рабочих окраинах активно строились благоустроенные многоквартирные комплексы (Дубровка, Дангауэровка, Шаболовка, Усачёвка и т.п.) с относительно гармоничным распределением приватности внутри жилья, переходных пространств дворов к публичности сомасштабных человеку жилых улиц (рис. 5).

Постановление об устранении излишеств в архитектуре 1954 года было направлено на переход к массовому и типовому жилищному строительству, что отчасти продолжало традицию конца 1920-х годов. В то время многие считали, что новая стратегия партии и правительства в СССР, выраженная в этом документе, может способствовать увеличению приватности, так как каждая семья сможет в перспективе получить отдельную, пусть и малогабаритную квартиру. Параллельно с этим происходило и обратное, так как общество вновь стало более открытым, хотя в не меньшей степени и контролируемым.

В период стабильного развития СССР, который пришелся на 1960-е годы, степень публичности городских пространств достигла очередного пика. Этому времени было свойственно стремление открыться миру, показать свои достижения и заслуги, связанное с желанием показать, что СССР является великой державой, достигающей многих успехов в разных областях. Параллельно в архитектуре и градостроительстве происходит расцвет «советского модернизма» с его активным строительством общественных зданий по индивидуальным проектам и формированием открытых, просторных, часто амасштабных и зрительно незавершённых общественных пространств.

В последующее пятнадцатилетие, названное впоследствии «эпохой застоя», можно отметить возрастание приватности как в жилье с некоторым увеличением площадей и комфортности квартир, так и с формированием более замкнутых и иногда лучше зонированных дворовых пространств. Однако при этом, с ростом высоты зданий сначала с 5-ти до 9-этажной, а затем до 16–18-этажной застройки, люди «отрываются от земли» и замыкаются в своих жилых ячейках, постепенно всё менее общаясь с соседями и формируя малые группы и сообщества по интересам. Эти тенденции отчасти перешли и в последующие эпохи вплоть до настоящего времени.

Краткая эпоха перестройки, начавшаяся в середине 1980-х годов и завершившаяся распадом Советского Союза, образованием СНГ и принятием Российской конституции в 1991–93 гг., отмечена ярким и сильным всплеском публичности городской жизни со стотысячными митингами, демонстрациями и даже боевыми действиями на городских улицах и площадях, многократно проводимыми открытыми альтернативными выборами и референдумами и прочими разнообразными явлениями и процессами общественной жизни, в основном пользовалась созданными до неё публичными общественными пространствами и почти не создала новых.

Однако нестабильность жизни последующего периода 90-х годов XX века привела к снижению публичности и увеличению приватности. В те годы люди стали больше ориентироваться на самих себя, на свои потребности и желания. Многие были подвержены страху и неуверенности, и им было трудно доверять другим людям и открываться перед ними.

Сегодня мы можем наблюдать определённый рост публичности в связи с новой технологической революцией, быстрым развитием информационных, в т.ч. дистанционных технологий «умного города». Благодаря социальным сетям и другим онлайн-платформам люди могут легко и быстро общаться друг с другом, делиться информацией и показывать свои достижения из некогда частных квартир, и, соответственно, появились новые возможности для регулирования своего «личного» соотношения приватности и публичности, создания системы тотального контроля над поведением жителей целого мегаполиса.

Таким образом, можно сказать, что соотношение приватности и публичности в Москве на уровне среды города и субъективного восприятия периодически изменялось на протяжении всей истории России в период Нового и Новейшего времени. Люди испытывали и формировали разное отношение к публичности и приватности в зависимости от политических, социальных и экономических условий, и каждый испытывал это по-своему.

Соотношение публичности и приватности городских пространств на примере морфотипов многоэтажной современной застройки ЮВАО

Понятие морфотипов

Данное понятие было впервые введено Л.Б. Кожаевой как «форма объёмно-пространственной организации застройки, сложившейся в ходе эволюционного развития города», и была предложена классификация исторически сложившихся морфотипов Москвы [6]. А.В. Крашенинников выделяет «морфотипы городской среды», которые представляют собой «устойчивые социально-пространственные комплексы» [9]. Согласно нормам и правилам градостроительного проектирования Москвы⁷, первоначальная классификация Л.Б. Кожаевой была представлена в несколько упрощённом виде, исторически сложившиеся морфотипы нормированы только для застройки до середины 50-х гг. XX века, а сформировавшиеся в более поздние периоды не включены в нормативную документацию, так как не рассматривались как исторически и градостроительно ценные. В типологию морфотипов входит, в том числе, уровень приватности и публичности, что влияет на уровень безопасности и чувства защищённости⁸.

Различные архитекторы и исследователи предлагают разнообразные модели выделения морфотипов застройки, исходя из нескольких основных показателей, например, на основании сферы распространения, ареала и времени постройки, параметров планировочных и объёмно-пространственных решений, геометрии кровли и других факторов [12, 16]. При исследовании соотношения приватности и публичности в застройке можно выявить следующие важные схожие параметры:

1. период постройки зданий или комплексов;
2. степень закрытости дворовых пространств;
3. степень блокированности секций – одно-, двух- или многосекционные здания, блокировка по одной или более стен при сложных конфигурациях;
4. угол примыкания секций друг к другу;
5. сложность рисунка плана зданий и композиционные закономерности их размещения;
6. конфигурация секций в пространстве;
7. отношение длинной и короткой сторон зданий;
8. перепад высот внутри комплекса;
9. обособленность зданий от окружающей застройки;
10. синергия при восприятии и целостность образа.

В современной застройке часто отсутствуют важные для исторической застройки элементы, систематизированные Е.И. Петровской и М.А. Демчук [16], такие как общее соответствие историческому контексту, пластика объёмов и фасадов с различными архитектурными деталями, кроме того, для определения морфотипа важны процент остекления фасадов, ритмика и типология оконных проёмов, форма кровли. Впрочем, эти показатели не всегда напрямую влияют на степень приватности внутри и вне здания.

Каждый морфотип застройки с точки зрения соотношения приватности и публичности можно, как и целый город, рассматривать в трёх уровнях – среды, формы и структуры отдельных зданий и структуры отдельных жилых ячеек. На уровне микрорайона или квартала отдельный дом является относительно приватным объёмно-пространством ввиду своей закрытости. Границей «зоны приватности» в случае с домом будут являться придомовая территория, отмостка или чёткая граница подошвы здания на уровне земли. Индикатором приватности территории могут стать «частные» зелёные насаждения, которые высаживают и за которыми ухаживают отдельные жители, как правило, нижних

⁷ Нормы и правила проектирования планировки и застройки Москвы. МГСН 1.01-99. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200003977> (дата обращения: 25.03.2023).

⁸ Морфотипы городской среды: как тип застройки влияет на город? [видеозапись] // YouTube. URL: <https://youtu.be/-7p5HkPCrYo?t=501>

этажей. Еще одним индикатором приватности территории дома по отношению к другим может быть наличие ограждений, таких как заборы, ворота или двери, которые создают физический барьер между улицей и домом.

Каждый дом, в свою очередь, состоит из публичных пространств тамбуров, входных групп, вестибюлей и вертикальных коммуникаций – лестнично-лифтовых узлов, буферных зон – поэтажных межквартирных холлов и коридоров и частных зон квартир. Границы данных зон, как правило, довольно резкие и четкие, так как пространства разного качества перетекают друг в друга только через немногочисленные проёмы в стенах, часто за глухими и обычно закрытыми дверями (рис. 3).

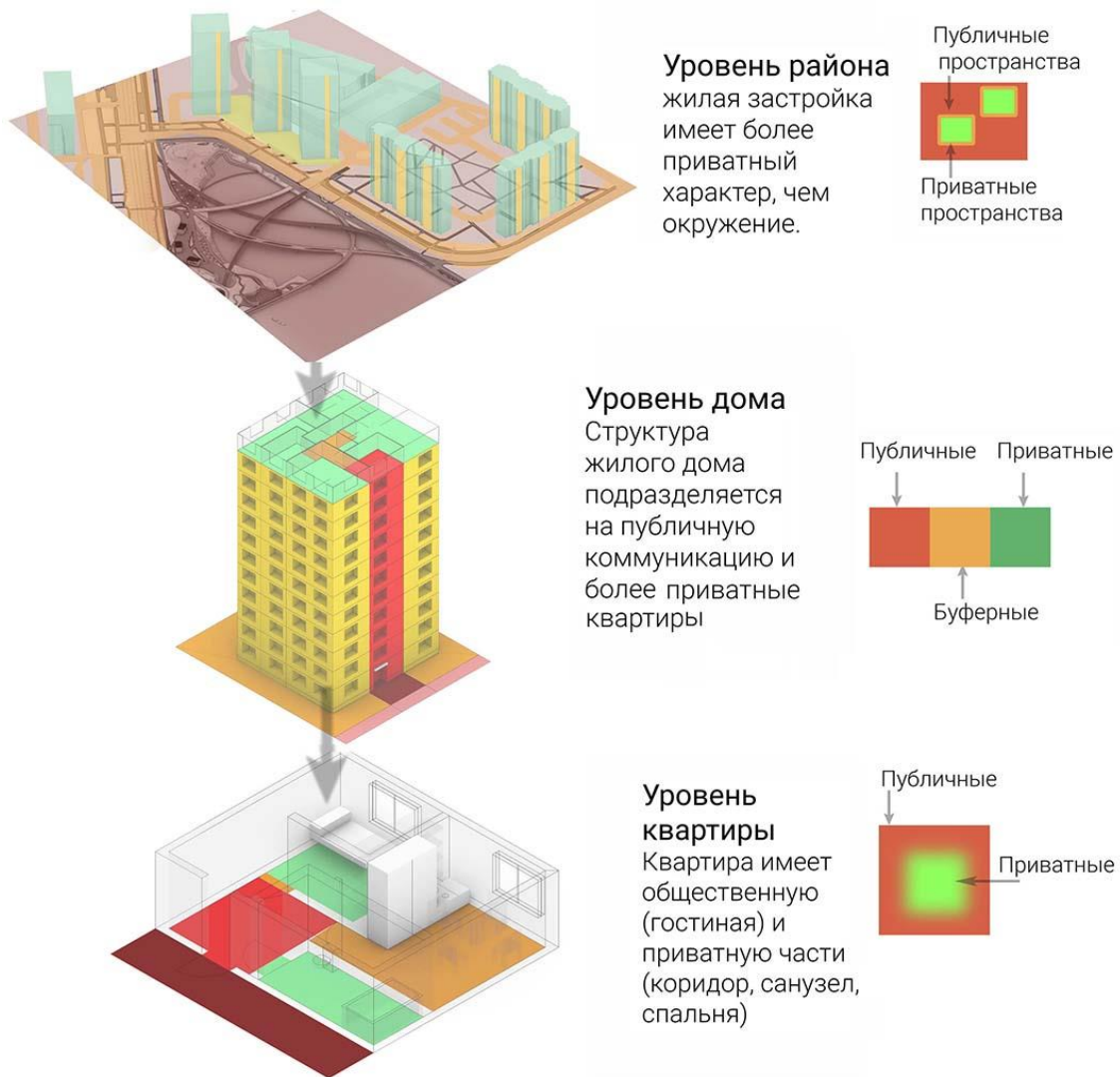

Рис. 3. Соотношение приватности и публичности на разных уровнях городского пространства при детальном приближении к уровню пользователя

Ещё ниже, на уровне квартиры в зависимости от её размеров, планировки и в некоторой степени от образа жизни пользователей, с одной стороны, квартира предполагает чёткое зонирование на общественную и частную зоны (к публичным относятся прихожая, холл, кухня, гостиная и коридоры, к частным пространствам – спальни, санузлы, гардеробные), а с другой – данные пространства часто начинают «размывать» свои границы и плавно перетекать друг в друга. При этом внутри каждого из рассматриваемых пространств субъективно можно выделить «более частные» зоны, которыми реже пользуются, причём, как правило, только один и тот же человек.

Можно сделать вывод, что при переходе к более крупному масштабу уровня пользователя, соотношение приватности и публичности становится более субъективным и сложным для определения. Индивидуальные предпочтения, комфорт и потребности каждого человека могут сильно варьироваться в зависимости как от индивидуального психотипа, так и от принадлежности к определённым социальным группам, формирующим и линию поведения. Некоторые люди, которых называют интровертами, предпочитают большую приватность и изоляцию, в то время как другие (экстраверты) предпочитают более открытые и публичные пространства. Задача проектировщика-градостроителя и архитектора – создать многообразную и гармоничную среду, максимально учитывая потребности и запросы всех категорий индивидуальных и групповых пользователей.

На уровне масштаба индивидуального пользователя и малых групп важно учитывать пространственно-временной контекст, цели и функциональность конкретного пространства. Например, в различных видах рабочей среды возможно учитывать желание большей приватности для концентрации на рабочих задачах, тогда как в общественных местах, таких как парки или кафе, может быть предпочтительной открытая и социально дружественная атмосфера.

В итоге, оптимальное соотношение приватности и публичности на уровне масштаба пользователя является индивидуальным и зависит от множества факторов, включая личные предпочтения, контекст использования пространства и уровень комфорта, который каждый человек ищет. Однако современные цифровые средства и информационные технологии позволяют учитывать потребности, предпочтения и запросы большинства категорий жителей и пользователей городской среды путём определения мест концентрации людей и их характеристик, направления и плотности потоков, точек и территорий притяжения и динамику активности их деятельности и использования.

Ретроспективный и структурный анализ соотношения приватности и публичности в характерных морфотипах застройки ЮВАО г. Москвы XVIII–XX вв.

Усадьба «Кузьминки»

Уклад землевладения в России до революции 1917 г. был преимущественно приватным, так как частная собственность на землю и имущество была в значительной степени сосредоточена в руках отдельных лиц и семей – богатого дворянства и купечества. Соответственно, доступ к усадьбам и имениям был ограничен и предоставлялся только определенным привилегированным лицам, таким как аристократы, представители церкви и высших слоев бюрократии [15].

Были и исключения, такие, как усадьба Кузьминки, которая была доступна для посещения почти всем, но только по необходимости. Это можно объяснить тем, что усадьба могла иметь определенную социальную или культурную значимость для общества, например, как место проведения общественных или культурных мероприятий. Также и некоторые другие собственники ближних подмосковных имений могли открывать свои усадьбы для посещения отдыхающим горожанам и путешественникам. На рисунке 4 показана структура пространств парадного двора усадьбы, иллюстрирующая соотношение приватных (участков главного здания и флигелей) и публичных (курдонер и подъездная аллея) территорий.

Таким образом, степень приватности владения имуществом в России до революции была достаточно высокой, но в некоторых случаях существовали исключения, когда усадьбы и имения были доступны для посещения широкой общественности [4]. В настоящее время парк представляет собой пространство общего пользования, а рассматриваемый участок, наоборот, имеет более приватный характер, так как доступ туда ограничен в связи с размещением современной администрации парка и музея.

Рис. 4. Структура взаимодействия частных и публичных пространств на примере центральной части ансамбля усадьбы Кузьминки

20–50-е годы XX в. Микрорайон «Дангауэровка»

Микрорайон «Дангауэровка» в Москве – это хороший пример социалистической застройки конца 20-х гг. XX в., в которой присутствует первоначально запланированное и частично осуществлённое относительно гармоничное соотношение частности и публичности. Кварталы не имели заборов, что означает отсутствие жесткой границы между публичным и частным пространством. Однако периметр зданий обозначает границу территории, принадлежащей жителям (рис. 5). Это создает ясное понимание того, что относится к групповой (кооперативной) собственности, а что является общественным пространством.

Рис. 5. Структура взаимодействия частных и публичных пространств на примере конструктивистского квартала «Дангауэровка» на Авиамоторной

В то же время микрорайон представляет собой общественное пространство, где люди до сих пор живут в условиях коммунальных квартир и имеют равный доступ к общественным удобствам, таким как дворные площадки и другие объекты инфраструктуры. Жители микрорайона знают друг друга и могут наблюдать за происходящим во дворе с оптимальной для этого высоты. Любое действие видно всем, а значит, публичность высокая. Таким образом среда микрорайона создает обстановку постоянного социального контроля, что в некоторой степени ограничивает частность жителей.

Можно считать, что в микрорайоне «Дангауэровка» пропорция приватности и публичности склоняется к большей публичности. Жители имели только свои private комнаты, за пределами которых – публичное пространство коридоров и кухонь, они должны были соблюдать определенные социальные нормы поведения внутри сообщества того времени. В целом, микрорайон «Дангауэровка» демонстрирует, что ранняя социалистическая застройка не соответствует современным представлениям о сбалансированном соотношении между приватностью и публичностью и нуждается в определенных мерах «скрытой реконструкции» как памятник архитектуры, направленных на формирование полноценной иерархии приватных, переходных и публичных пространств, что вполне достижимо благодаря человеческому масштабу данного морфотипа.

50–70-е годы XX в. Район «Кузьминки»

В массовой строчной застройке 1960-х годов приватность отдельных квартир часто уступала место общественным пространствам и коммуникации между жильцами. Здания и целые микрорайоны имели стандартный набор общественных зон, таких как площадки для игр во дворах и открытые балконы на зданиях, обеспечивающий места для взаимодействия между жильцами. Кроме того, строчная застройка 60-х годов XX века строилась в рамках концепции массового социального жилья, что подразумевало его доступность для людей с разными доходами и социальными статусом. Это способствовало более открытому и обществу характеру застройки (рис. 6).

Невысокое качество строительства, безликий внешний вид зданий и примитивный механический планировочный рисунок этого морфотипа компенсируются человеческим масштабом и высокой степенью озелененности занятых им территорий, уже частично реконструированных после сноса ранних панельных серий и первой волны «реновации». При правильном подходе к уплотнению такого типа застройки часть зданий возможно сохранить и частично надстроить, а выходящие к магистральным улицам торцы домов дополнить шумозащитными зданиями, которые могли бы увеличить недостаточную в настоящее время степень приватности дворов.

Рис. 6. Структура взаимодействия приватных и публичных пространств на примере застройки Кузьминок

70–80-е годы XX в. Район «Марьино»

Микрорайонная застройка в 80-х годах XX века, в отличие от более ранних морфотипов, сильно выросла в этажности и масштабе, отчего выросли расстояния между зданиями и, соответственно, размеры пространств, предназначенных под дворы. Некоторые из них частично превратились в сады или пустыри, другие в дальнейшем были заняты гаражами-

«ракушками», а после их сноса – открытыми парковками. В микрорайонной застройке 1980-х годов использовались более разнообразные типы жилья, что в целом способствовало более равномерному соотношению приватной и публичной территории (рис. 7).

Во многих микрорайонах 80-х годов акцент смещается на формирование разнообразных зеленых зон отдыха, парков, детских и спортивных площадок, что способствовало созданию более развитой общественной атмосферы и повышению комфорта для жильцов. Также предусматривались более развитые комплексы культурно-бытового обслуживания и образования, включавшие, кроме стандартных школ, детских садов, поликлиник, больниц и торговых центров, специализированные здания для разных видов общественной деятельности взрослых и детей, что повышало разнообразие возможных видов взаимодействия общественных и частных зон.

Рис. 7. Структура взаимодействия частных и публичных пространств на примере застройки района Марьино

В то же время микрорайонная застройка 80-х годов XX века имеет и недостатки в плане приватности. Некоторые здания имеют большое количество квартир на этаже, что усложняет внутридомовые коммуникации, а повышение этажности затрудняет создание частных зон на открытом воздухе – балконы и лоджии начинают массово остеклять, особенно выходящие на магистральные улицы. Кроме того, жилые дома в микрорайонах строятся более близко друг к другу по сравнению с более ранними морфотипами, что создавало и усиливало проблемы с конфиденциальностью и уровнем шума.

Таким образом, в микрорайонной застройке 1980-х годов соотношение между частными и публичными пространствами становится более равномерным по сравнению с морфотипами 60-х – 1-й половины 70-х годов XX века, отчасти благодаря большому количеству зеленых зон и разнообразию типов жилья. Однако, из-за более высокой плотности застройки и более тесного расположения зданий, многие жильцы могли испытывать проблемы с конфиденциальностью и уровнем шума.

Для данного времени характерны также морфотипы, в плане напоминающие «змейки». Они строились с 70-х по 90-е годы XX века и представляют собой группы вытянутых многоэтажных и многосекционных зданий, стремящихся образовать полузамкнутые пространства. Различной формы угловые и поворотные секции примыкают друг к другу, образуя ломаные конфигурации под разными углами от 120 до 150°. Такие здания, как правило, не выбиваются из контекста окружающей застройки, воспринимаются как фон и растворяются в пространстве. Дворы открытые и проницаемые за счет проёмов-арок. Между различными зданиями может возникать перепад высот, но минимальный. Примеры

– секционная застройка из серии П-3 в районе Марьино (Люблинская ул. 118) и дома социального типа в районе Выхино-Жулебино (Привольная ул. 19).

1990–2010-е годы

В жилых комплексах 1990–2000-х годов появились новые формы пространства для общественной жизни, в том числе различные коммерческие помещения. Одновременно многие прежде «общественные» пространства оказались отгорожены различной формы и внешнего облика заборами: зоны отдыха, а также спортивные залы, детские площадки, что свидетельствует о стремлении к увеличению степени приватности в образе жизни и городском пространстве (рис. 8, рис. 2). Также в жилых комплексах 90-х годов появляются более просторные квартиры с различными вариантами планировки и более разнообразная инфраструктура, образующая переходные пространства, такие как подземные и наземные парковки, детские и спортивные площадки, внутри домов – большие вестибюли, помещения для охраны и т.п.

Рис. 8. Структура взаимодействия частных и публичных пространств на примере жилого комплекса у м. Марьино

Таким образом, соотношение между частной и публичной территорией в жилых комплексах 1990-х годов сдвигается в сторону большей приватности. Выделяется общественный фронт помещений магазинов в жилом комплексе у метро «Марьино» и «частный двор», отгороженный забором с воротами и шлагбаумом.

Для данного времени характерны самостоятельные комплексы из отдельно стоящих высотных зданий. Комплексы представляют собой группы отдельно стоящих домов. Секции, если примыкают друг к другу, то под различными нестандартными углами, меньше или больше 90°. Сами секции часто бывают построены по определённым композиционным законам (чаще всего симметрии). Жилые комплексы чаще всего изолированы или не особенно соотносятся с окружением, но вписаны в природный контекст, если комплекс строится за МКАДом, как 9-й микрорайон Кожухово. Здания иногда формируют пары в виде «ворот». В некоторых случаях играют роль градостроительной доминанты, хотя их силуэт чаще распластан в пространстве. При этом часто воспринимаются целостно, как ансамбль, однако лишённый человеческого масштаба. Между зданиями и в самих зданиях создаётся различный перепад высот как одно из средств, на котором архитекторы пытались строить уникальность своего проекта. Дворы открытые и проницаемые, что в этом случае сводит на нет стремление к приватности, но при большой высоте зданий сформировать полноценное общественное пространство также не получается.

2010–2020-е годы XXI в.

Для массового жилищного строительства последнего десятилетия снова становится характерен морфотип гомогенной застройки. Этот тип характеризуется повторением П-образной и периметральной планировки, образуемой высотными зданиями-пластинами, разделенными пожарными проездами и образующими закрытый «двор-колодец», предназначенный только для жителей и организованный по принципу «двор без машин». Секции примыкают друг к другу под прямым углом. Пример – жилой комплекс «Люблинский парк» в Люблино (рис. 9). Часто применяются разноэтажные секции. Здания многосекционные, не полностью обособленные. Рисунок застройки – многократное повторение картезианской решетки с диагональными пешеходными дорожками внутри дворов. Строительство комплексное с 2018 года по настоящее время. Приватные и публичные пространства разделены, как правило, достаточно чётко и даже резко.

Менее популярный морфотип последнего десятилетия можно охарактеризовать как «кристалл». Объекты этого типа построены в разные периоды с 1990-х годов до нашего времени. Представляет собой группу многоэтажных башенных и линейных зданий, часто с узким профилем. Иногда состоит из типовых секций, но чаще всего каждое здание строится по индивидуальному проекту. Здания не примыкают друг к другу или объединены стилобатом. Секции башенные, одноподъездные. Здания контрастируют с окружающей застройкой и при удачном размещении и объёмно-пространственном решении становятся доминантой. Образ воспринимается целостно. Дворы чаще всего закрыты. Внутри почти нет перепада высот, или наоборот, он очень резкий. Примерами могут служить ЖК «Метрополия» на Волгоградском проспекте или «Домашний». Приватные и публичные пространства в таких комплексах разделены менее чётко и часто перетекают друг в друга.

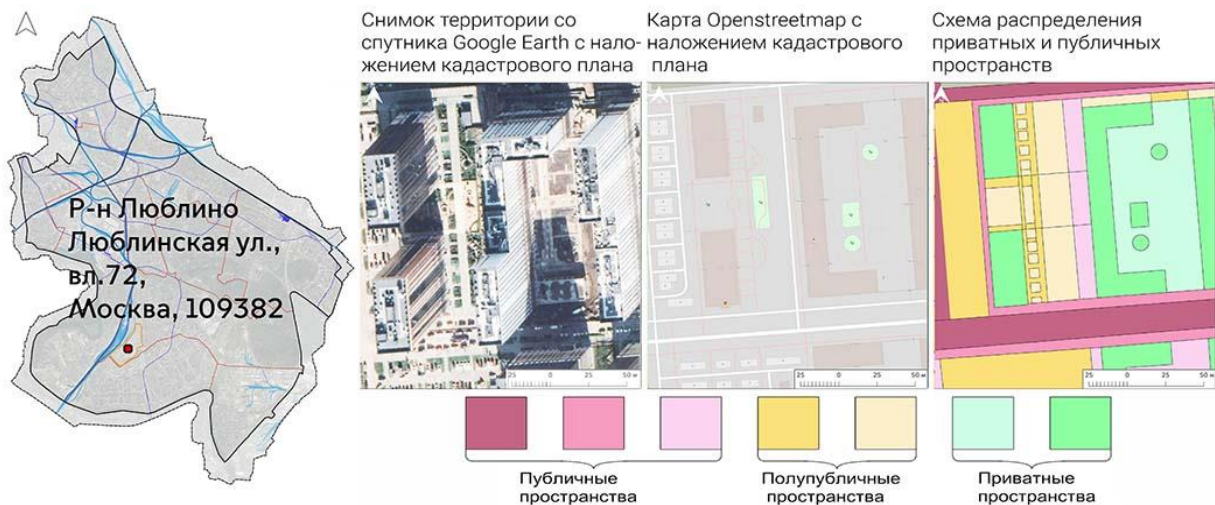

Рис. 9. Структура взаимодействия частных и публичных пространств на примере жилого комплекса в Люблино, построенного по проекту группы «ПИК»

Выводы

Поскольку цель градостроительной деятельности – повышение качества жизни горожан по различным параметрам, одним из её важных аспектов является задача сохранения здоровья, как физического, так и психического. Данная цель должна достигаться путем более глубокого анализа потребностей и запросов индивидуума, групп и сообществ в отношении разграничения и взаимопроникновения частных, переходных и полностью открытых общественных или публичных пространств в различных типах современной застройки как жилого, так и нежилого назначения.

При характерном для современного города и нормативно закреплённом выделении общественных пространств возникает потребность и возможность подразделить их на: а) коммуникационные, которые предназначены по преимуществу для перемещения из одного пункта в другой и которые являются более «публичными»; и б) рекреационные, которые могут быть как публичными, так и переходными и содержать в себе приватные элементы различного размера, назначения и характера.

Переход от полной публичности к полной приватности проходит через несколько стадий. Каждое пространство обычно предназначается, формируется и трансформируется под определенную степень соотношения приватности и публичности и чаще может переходить не резко с приватного на публичный характер, а через переходные «полупубличные», статичные и динамичные пространства.

При анализе соотношения приватности и публичности важно выбирать определенный масштабный уровень, связанный с жизнедеятельностью как отдельного человека, так и малых или больших групп, хотя можно исследовать и более детальные вопросы. Например, в торговом центре, который в целом носит «полупубличный» характер, можно выделить публичную структуру коридоров и торговых залов и более «приватные» складские помещения. В свою очередь, внутри последних можно выделить редко посещаемые места, в качестве более приватных, например, бытовые, вспомогательные и технические помещения.

В то же время следует обратить внимание на преимущества приватного характера небольших магазинов и других заведений в первых этажах жилых зданий, в которых покупатель может быть уверен в качестве продуктов, поскольку, как правило, много лет знает продавца и доверяет ему. Такие небольшие по характеру приватные объекты на уровне пользователя формируют нужное местному сообществу общественное пространство. В них каждый житель не только того дома, где расположен объект, но и соседних, с одной стороны, не ощущают нарушения своей приватности, как в больших торговых центрах, а с другой, адекватно оценивают пользу и необходимость общения друг с другом в таких переходных или «полупубличных» местах.

Структура соотношения приватности и публичности не привязана к линейному контуру периметра здания на уровне земли или кровли, или к границе его участка. Она развивается и вертикально, по лестнично-лифтовым узлам, в зависимости от назначений этажей. Технические этажи и чердаки могут считаться «относительно приватными» пространствами, в то время как магазины и другие общественные помещения первых этажей – «относительно публичными», так как посещаются и используются не только жителями данного дома, но и прилегающих территорий в пределах пешеходной, а иногда и транспортной доступности.

Но следует отметить, что повышение этажности застройки нарушает законы восприятия пространства и происходит «отчуждение» формально приватного, безопасного и защищённого пространства бесконечно повторяющихся квартир, находящихся на n-ом этаже, от также формально «общего» амасштабного пространства гигантских псевдодворов 80-х годов XX века или новых «дворов-колодцев» века XXI-го. Жители таких ЖК остаются друг другу «чужими», в такой ситуации нельзя говорить ни о подлинной «приватности», ни про общественный характер таких амасштабных пространств.

Итак, в процессе градостроительного анализа, планирования и проектирования городских территорий, особенно планируемых к реконструкции, необходимо всесторонне исследовать и прогнозировать соотношение приватности и публичности в данном городском пространстве, которое зависит от контекста, назначения и стадии его развития, и может меняться на разных уровнях и стадиях градостроительного анализа и проектирования.

В случае реконструкции сложившейся городской территории, в том числе для создания новых участков территорий коммуникационного назначения, следует производить расчёт предполагаемого потока будущих пользователей существующих и планируемых точек и зон притяжения, располагаемых на одном или обоих концах предполагаемого транзитного пространства. Международный и отечественный опыт показывает, что для сохранения гармоничного баланса приватности и публичности, и, в частности, лучшего обеспечения безопасности, потенциально значительный поток целесообразно дробить на несколько менее плотных, рассредоточенных на большей площади, с созданием для них системы дополнительных частных и переходных мезо- и микропространств. Эти пространства нужно проектировать озеленёнными и трансформируемыми (то есть имеющими возможность изменять степень закрытости и защищённости) в зависимости от сезонных и суточных циклов, а также погодных изменений.

Источники иллюстраций

Рис. 1–9. Созданы авторами статьи.

Список источников

1. Гутнов А.Э. Мир архитектуры: Язык архитектуры. Москва: Молодая гвардия, 1985. 352 с.
2. Гутнов А.Э. Город как объект системного исследования // Вопросы теории архитектуры (тезисы лекций для семинаров повышения квалификации архитекторов): Сборник статей. Москва, 1976.
3. Гутнов А.Э. Города и люди: Ст., выступления, докл., интервью. Москва: МП «Ладья», 1993.
4. Жукова А. Прогулки по Москве. Дворцы, усадьбы, парки. Путеводители для пешеходов. Москва: АСТ, 2023 г. 128 с. ISBN: 978-5-17-153462-2
5. Кожаева Л.Б. Морфотипы московской застройки // Архитектура СССР. 1987. №9–10.
6. Колесникова Г.И. Концепция позитивного одиночества: Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2016. № 1(22). С. 169-171.
7. Кондратьев М.Ю. Азбука социального психолога-практика: справочно-энциклопедическое издание / М.Ю. Кондратьев, В.А. Ильин. Москва: PerSe, 2007.
8. Крашенинников А.В. Когнитивная урбанистика: архетипы и прототипы городской среды. Москва: Курс, 2020. 210 с. ISBN: 978-5-907228-53-5
9. Крашенинников А.В. Социально-пространственная структура пешеходного пространства // Architecture and Modern Information Technologies. 2012. №4(21). URL: <https://marhi.ru/AMIT/2012/4kvart12/krasheninnikov/krasheninnikov.pdf> (дата обращения 22.04.2023).
10. Крашенинников А.В. Мезо-пространства городской среды // Architecture and Modern Information Technologies. 2015. №4(33). URL: <https://marhi.ru/AMIT/2015/4kvart15/krash/krash.pdf> (дата обращения 22.04.2023).
11. Ласточкина О.С. Плейсмейкинг – подход для развития общественных пространств современных городов (обзор зарубежного и российского опыта) // Society and Security Insights. 2021. Том: 4. № 2. С. 89–105. ISSN: 2619-0249

12. Липовка А.Ю. Морфологическая периодизация массовой жилой застройки Красноярска / А.Ю. Липовка, И.Г. Федченко // Урбанистика. 2021. № 3. С. 56-72. DOI: 10.7256/2310-8673.2021.3.36434
13. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии Российской академии наук, Национальный общественно-научный фонд; науч. ред. совет: В.С. Степин пред. совета и др. Москва: Мысль, 2010.
14. Оксфордский толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера. Москва: Вече, АСТ, 2002.
15. Орлов Г.Ю. Дворянские усадьбы // История и современность. 2013. №1 (17). С. 140–149.
16. Петровская Е.И. Метод выявления перспектив развития и основ формирования комплексного средового кода для локальной территории / Е.И. Петровская, М.А. Демчук // Architecture and Modern Information Technologies. 2020. № 4(53). С. 216–248. URL: https://marhi.ru/AMIT/2020/4kvart20//14_petrovskaya.pdf DOI: 10.24411/1998-4839-2020- 15314
17. Психологические термины и определения DSM-5: American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. Fifth ed. (DSM-5, DSM-V). Washington, DC: London: American Psychiatric Association, 2013. 970 с. ISBN: 978-0-89042-554-1. ISBN 978-0-89042-555-8
18. Психология человека от рождения до смерти: учебник / под ред. А.А. Реана. Москва: АСТ: Прайм, сор. 2015.
19. Смолова Л.В. Введение в психологию взаимодействия с окружающей средой (экологическая психология): монография. 2-е изд., стер. Москва: Флинта, 2015. 380 с.

References

1. Gutnov A.E. *Mir architektury: Yazyk arhitektury* [World of Architecture: Language of Architecture]. Moscow, 1985, 352 p.
2. Gutnov A. *Gorod kak object sistemnogo issledovaniya. Voprosi teorii architekturi* [The city as an object of systemic research. Processings of Architectural Theory]. Moscow, 1976.
3. Gutnov A.E. *Goroda i ludi* [Cities and People: Articles, Speeches, Reports, Interviews]. Moscow, 1993.
4. Zhukova A. *Progulki po Moskve. Dvorci, usadbi, parki* [Walks around Moscow. Palaces, estates, parks]. Moscow, 2023, 128 p. ISBN: 978-5-17-153462-2
5. Kozhaeva L.B. *Morphotipi Moscovskoi zastroiki* [Morphotypes of Moscow development]. Architecture of the USSR magazine, 1987, no. 9-10.
6. Kolesnikova G.I. *Koncepciya pozitivnogo odinotchestva* [The concept of positive solitude. Eurasian Union of Scientists (EUS)]. Philosophical sciences magazine, 2016, no. 1(22), pp. 169-171.
7. Kondratyev M.Yu. *Azbuka socialnogo psikhologa-praktika* [The ABCs of a social psychologist practitioner: reference-encyclopedic edition]. Moscow, 2007.
8. Krasheinnikov A.V. *Kognitivnaya urbanistika: arkhetipi i prototipi gorodskoi sredi* [Cognitive Urbanism. Archetypes and Prototypes of Urban Environment]. Moscow, 2020, 210 p. ISBN: 978-5-907228-53-5

9. Krasheninnikov A.V. Structure of social space in pedestrian realm. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2012, no.4(21). Available at: <https://marhi.ru/AMIT/2012/4kvart12/krasheninnikov/krasheninnikov.pdf>
10. Krasheinnikov A.V. Mezzo-spaces of in built environment. *Architecture and Modern Information Technologies*. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2015, no.4(33). Available at: <https://marhi.ru/AMIT/2015/4kvart15/krash/krash.pdf>
11. Lastochkina O.S. *Place-making – podkhod dlya razvitiya obshchestvennykh prostranstv sovremennykh gorodov (obzor zarubezhnogo i rossiyskogo opyta)* [Place-making - an approach for development of public spaces of modern cities (a review of foreign and Russian experience)]. *Society and Security Insights*, 2021, vol. 4, no. 2, pp. 89–105. ISSN: 2619-0249.
12. Lipovka A.Yu., Fedchenko I.G. *Morfologicheskaya periodizatsiya massovoy zhiloy zastroyki Krasnoyarska* [Morphological periodization of mass residential development in Krasnoyarsk]. *Urban Planning*, 2021, no. 3, pp. 56-72. DOI: 10.7256/2310-8673.2021.3.36434.
13. *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. Institut filosofii Rossiyskoy akad. nauk, Natsional'nyy obshchestvenno-nauchnyy fond* [New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, National Public Scientific Fund]. Moscow, 2010.
14. *Oksfordskiy tolkovyy slovar po psikhologii. Pod red. A. Rebera* [Oxford Dictionary of Psychology. Edited by A. Reber]. Moscow, 2002.
15. Orlov G. *Dvoryanskie usadby* [Noble estates. History and Modernity article]. *Istoriya i sovremennost*, 2013, no. (1)17. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvoryanskie-usadby>
16. Petrovskaya E., Demchuk M. Method for Selecting the Vector of Development and the Basics of the Complex Environmental Code for a Specific Local Area. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2020, no. 4(53), pp. 216–248. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2020/4kvart20/PDF/14_petrovskaya.pdf DOI: 10.24411/1998-4839-2020-15314
17. American Psychiatric Association. *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders*. 5th ed. (DSM-5, DSM-V). Washington, DC: London: American Psychiatric Association, 2013, 970 p. ISBN 978-0-89042-554-1. ISBN: 978-0-89042-555-8.
18. Rean A.A. (ed.) *Psikhologiya cheloveka ot rozhdeniya do smerti. Uchebnik* [Human psychology from birth to death: textbook]. Moscow, 2015.
19. Smolova L.V. *Vvedenie v psikhologiyu vzaimodeystviya s okruzhayushchey sredoy (ekologicheskaya psikhologiya). Monografiya* [Introduction to Psychology of Interaction with the Environment (Ecological Psychology): monograph, 2nd ed.]. Moscow, 2015, 380 p.

ОБ АВТОРАХ

Казанов Андрей Владимирович

Магистрант, кафедра «Градостроительство», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

towercitytimelapse@gmail.com

Гандельсман Борис Владимирович

Кандидат архитектуры, доцент, профессор кафедры «Градостроительство», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

bgandelsman@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS**Kazanov Andrey V.**

Master Student, Department «Town Planning», Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia

towercitytimelapse@gmail.com

Gandelsman Boris V.

PhD in Architecture, Associate Professor, Professor at the Department «Town Planning», Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia

bgandelsman@yandex.ru